

Алексей Смирнов

**Нить
Персефоны**

Алексей Смирнов
Нить Персефоны

«Автор»

2026

Смирнов А.

Нить Персефоны / А. Смирнов — «Автор», 2026

Эта история о двух студентах. История о любви даже на расстоянии, без осуждения выбора и принятие чувств.

© Смирнов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алексей Смирнов

Нить Персефоны

Глава

Нить Персефоны

Глава 1.

Финальный свисток прозвучал сорок минут назад. Паркет спортзала уже остыл, но я всё ещё здесь.

Добиваю штрафные. Мяч со свистом разрезает сетку. Десять из десяти. На автомате забиваю отскок и бросаю снова. Ещё десять. Когда лёгкие начинают жечь от нехватки воздуха, я останавливаюсь и задираю голову вверх — туда, где под высоким металлическим потолком гудят лампы в защитных сетках.

Баскетбол научил меня главному правилу: хочешь попасть в кольцо — сначала останови всё внутри себя. Заставь замолчать свои мысли, усьмири пульс, выключи фоновый шум.

Сейчас в моей голове наконец-то тихо.

Я закидываю полотенце на шею и толкаю тяжелую дверь в коридор. Главный корпус университета уже дышит предвыходным хаосом: стайки первокурсников громко спорят по дороге в столовую, кто-то сонный тащит под мышкой макбук в сторону библиотеки. Я иду на автомате, пока взгляд не цепляется за яркое пятно на стенде объявлений. Постер. Крупные мазки краски, наброски летящих тканей, стильные эскизы платьев.

«Показ студенческих коллекций. Факультет дизайна. Вход свободный».

И в самом низу — имя, от которого у меня внутри необъяснимо натягивается какая-то струна.

Эмма Браун.

Мы не знакомы. Я никогда не слышал звука её голоса, обращённого ко мне. Но я чертовски хорошо знаю, как она рисует.

По вторникам и четвергам у неё пары в корпусе искусств. Мой маршрут от столовой до качалки пролегает как раз мимо огромных панорамных окон её аудитории. Я часто замедляю шаг. Она всегда сидит спиной к классу, у самого стекла, смешно поджав под себя одну ногу. Волосы закручены в небрежный, разваливающийся пучок, из которого вечно выбиваются пряди. Губы шевелятся — она всегда тихонько разговаривает сама с собой, когда штрихует что-то в альбоме.

Она никогда не смотрит в окно. Ей плевать на улицу.

И это правильно. Я не из тех, кто ищет внимания.

Будь я каким-нибудь самоуверенным парнем с моего потока, я бы давно подошёл. Прижал бы её к шкафчику, выдал дежурную улыбку и сказал: «Привет, я часто вижу тебя за рисованием. Ты милая». Но я не этот парень.

Потому что я видел её с ним.

Чейз Стерлинг. Будущий король менеджмента и ходячая реклама дорогого парфюма. Красивый, приторно-богатый, умеющий заливать в уши именно то, что от него ждут. Я видел, как она держала его за руку. Как запрокидывала голову, заливаясь смехом от его глупых шуток. Однажды после пар он ждал её у крыльца — Эмма выбежала к нему, сияющая, прижимая к груди охапку эскизов, а он по-хозяйски перехватил её за талию.

Я тогда сжал зубы с такой силой, что в ушах хрустнуло.

И нет, это была не зависть. Это была злость от очевидного факта: он её не стоит.

В тот же вечер я столкнулся с Чейзом в спортивном баре. Он сидел в окружении девчонок с параллельного курса, пил шоты и, когда зашла речь об Эмме, даже не вспомнил её фамилию. Буркнул что-то вроде: «Да ладно вам, та милашка, которая вечно шьёт тряпки, просто космос».

Но я промолчал. Если девушка сделала свой выбор, у неё есть на это право. Моё дело — задвинуть эго подальше и уважать чужие границы. Так меня учил отец: «Сила мужчины не в том, чтобы забрать чужое, Коул. Сила в том, чтобы вовремя отойти в сторону».

Я отходил. Каждый раз, когда видел их в университетском дворе.

Но сейчас...

Я снова впиваюсь глазами в буквы на афише.

«Эмма Браун. Коллекция „Второй слой“».

Пятница. 20:00. Холл корпуса искусств.

Чейз наверняка займёт лучшее место. Будет сидеть в первом ряду, вальяжно закинув ногу на ногу, и хлопать громче всех. Для него талантливая девушка-дизайнер — это просто очередной статусный аксессуар. Ролексы на запястье, идеальная тачка, идеальная девчонка.

Я резко разворачиваюсь и иду к выходу.

В пятницу у меня нет тренировок. Команда улетает на выезд только в субботу утром. Вечер совершенно свободен.

Я не пойду туда. Зачем мне это?

Чушь. Сплошная ложь самому себе.

Я прекрасно знаю, что буду там.

Пятница. Восемь вечера.

В холле корпуса искусств не протолкнуться. Пахнет дорогим парфюмом, крепким эспрессо и новой тканью. Вокруг снуют пафосные студенты, преподаватели с бокалами шампанского и какие-то пижоны из городских галерей. На мне самые простые чёрные джинсы и тёмный оверсайз-свитер — идеальный камуфляж для того, кто хочет слиться с толпой.

Правда, с моим ростом под два метра «слиться» — задача со звёздочкой. На меня косятся.

Я ухожу в самый угол, прислоняюсь спиной к прохладной стене в тени колонны и скрепываю руки на груди.

И тут гаснет свет. На импровизированный подиум выходит она.

Эмма.

Но это не та хрупкая девочка из-за стекла, над которой я тайно наблюдал. Сейчас она выглядит невероятно. Сильная, уверенная, с горящими глазами. Она держит микрофон и спокойно объясняет концепцию своей коллекции, пока за её спиной на огромном экране сменяются слайды.

Она говорит о текстурах, о «втором слое» одежды, который защищает уязвимую человеческую душу от внешнего мира.

Я ничего не смыслю в моде. Для меня одежда — это олимпийка и кроссовки. Но в эту секунду я не могу отвести от неё глаз.

А потом я замечаю Чейза.

Этот придурок сидит даже не в первом ряду — в третьем. На его лице написана такая смертная скука, будто его заставили слушать лекцию по термодинамике. Он вертит в пальцах айфон, потом утыкается в экран. Его губы расплываются в ухмылке — и я готов поставить свою стипендию, что он смеётся не над словами Эммы, а над очередным мемом в чате со своими друзьями.

Он не смотрит на сцену.

Вообще. Ни единого раза.

Эмма делает паузу, её взгляд на долю секунды падает на третий ряд. Она видит макушку своего парня, уткнувшегося в телефон. На мгновение её идеальная, сияющая улыбка стано-

вится вымученной и ватной. Но она справляется. Сглатывает и продолжает говорить — профессионально, чётко.

Мои ногти с силой впиваются в ладони. Внутри начинает закипать глухая, первобытная ярость.

Я стою у стены, заставив себя окаменеть. Не моё дело. Не вмешивайся, Коул.

Но сердце колотится как сумасшедшее. Как можно быть настолько слепым ублюдком? Как можно сидеть в телефоне, когда человек, которого ты якобы любишь, прямо сейчас горит на сцене своим делом?

Когда показ заканчивается, зал взрывается аплодисментами. Эмма выходит на поклон, её щеки горят румянцем, но глаза... глаза снова ищут Чейза.

А Чейз уже поднялся со своего места. Он развернулся спиной к подиуму и на ходу строит кому-то сообщение. Он даже не поднял рук, чтобы похлопать ей.

Я резко отворачиваюсь.

Грудь сдавливают до хрипа — так всегда бывает, когда я сдерживаю лавину внутри себя. Когда до безумия хочется подойти и вбить Чейзу его идеальные зубы внутрь черепа, но я напоминаю себе, что у меня нет на это чертова права.

Я толкаю стеклянную дверь и выхожу на улицу. Холодный ночной воздух бьёт в лицо, но это не помогает.

Я знаю, как закончится её вечер. Этот придурок уедет в клуб, а она будет плакать одна в своей комнате, размазывая тушь по лицу.

И я ничего не могу с этим сделать.

Или могу?

Нет. Рано.

Пока ещё рано.

Глава 2.

За кулисами пахло лаком для волос, обрезками фатина и дешёвым шампанским, которое девочки из группы поддержки притащили в пластиковых стаканчиках. Все кричали, обнимались, поздравляли друг друга, а у меня внутри было пусто. Словно из меня выкачали весь воздух, оставив только звенящую, вакуумную оболочку.

— Эм, это был разрыв! Ты видела, как препод по макетированию кивал на твоём финальном выходе? — ко мне подскочила Лили, моя лучшая подруга, и с размаху обняла за плечи.

— Да... Да, здорово, — я попыталась улыбнуться, но губы словно занемели.

Я судорожно сжимала в кармане плаща телефон. Экран был девственно чист. Ни одного уведомления. «Чейз Стерлинг: 0 новых сообщений».

Хотя я ведь сама видела, как он уходил. Видела со сцены, сквозь слепящий свет софитов, его идеальный затылок и то, как он, не оборачиваясь, толкнул стеклянную дверь холла. Он даже не дождался, пока стихнут аплодисменты.

— Эй, ты чего зависла? — Лили внимательно заглянула мне в лицо, её улыбка погасла. — Чейз опять в своём репертуаре?

— Всё нормально, Лил. Он просто... у него была важная встреча по поводу стартапа. Он предупреждал, — ложь вылетела изо рта слишком легко, отрепетированная неделями оправданий перед самой собой.

— Ага, конечно. Стартап в пятницу в девять вечера, — фыркнула подруга, собирая в коробку раскиданные шпильки. — Короче, мы едем в «Клуб 22» праздновать. Ты с нами?

— Я догоню. Мне нужно собрать оставшиеся ткани и сдать ключи коменданту. Езжайте без меня.

Мне просто нужно было побыть одной. Чтобы никто не видел, как эта дурацкая, вымученная маска «успешного молодого дизайнера» сползает с моего лица.

Через полчаса холл опустел. Свет приглушили, оставив только дежурные лампы, из-за чего манекены в моих платьях из коллекции «Второй слой» выглядели как призраки в полумраке. Я тащила огромную, неподъёмную сумку-баул с рулонами выкроек и остатками шерсти. Лямка больно врезалась в плечо, но физическая боль приятно притупляла ту, что жгла где-то под рёбрами.

Я вышла на крыльцо корпуса искусств. Ночной воздух сразу обжёг лёгкие прохладой. Накрапывал мелкий, противный дождь.

И, разумеется, Чейза там не было. На парковке не горели фары его белоснежного седана. Вместо этого на панели блокировки телефона наконец-то высветилось сообщение:

«Малыш, супер-показ, ты умничка! Пацаны зовут в бар, надо перетереть по бизнесу. Буду поздно, не скучай».

«Ты умничка». И смайлик.

Я смотрела на этот экран, и к горлу подступал ком. Он даже не смотрел на подиум. Он не видел, как я дрожала, когда брала микрофон. Не видел концепт, над которым я не спала последние три месяца, стирая пальцы в кровь об иголки. Для него это были просто «шмотки».

Слеза, горячая и злая, всё-таки скатилась по щеке, оставляя тёмный след на светлом плаще. Я быстро смахнула её тыльной стороной ладони, чувствуя себя полной дурой.

Перехватив тяжеленный баул поудобнее, я сделала шаг с крыльца прямо в темноту аллеи, ведущей к автобусной остановке. Сумка потянула меня вниз, каблук дешёвых туфель скользнул по мокрому асфальту, и я тихонько ойкнула, понимая, что сейчас эпично растянусь прямо в луже вместе со всеми своими эскизами.

Но падения не случилось.

Кто-то железной хваткой перехватил меня за локоть, мгновенно вернув мне равновесие. В ту же секунду из моих пальцев аккуратно, но решительно забрали неподъёмную сумку.

— Осторожнее. Здесь скользко.

Голос был низким, слегка хриплым и совершенно мне незнакомым.

Я скинула голову. Передо мной стоял парень. Очень высокий — мне пришлось заломить шею, чтобы разглядеть его лицо в тусклом свете уличного фонаря. На нём был огромный чёрный худи, капюшон накинут на голову, из-под которого пронзительно блестели тёмные глаза. Широкие плечи, резкие скулы, намокшие от дождя пряди волос на лбу.

Он выглядел... внушительно. И почему-то очень надёжно, как скала, о которую разби- ваются волны.

— Спасибо, — выдохнула я, судорожно пытаюсь вспомнить, видела ли я его раньше в университете. Лицо казалось смутно знакомым, но я никак не могла вспомнить имя. — Я бы справилась, правда.

Парень даже не улыбнулся. Он просто закинул мой огромный баул себе на плечо одной рукой, будто тот ничего не весил, а вторую руку засунул в карман джинсов.

— Не справилась бы, — спокойно констатировал он. — Куда нести?

— На остановку... Но тебе не обязательно...

— Коул, — перебил он, переводя на меня взгляд. В его глазах не было жалости, которую я сейчас так ненавидела, но было что-то другое. Внимание. Настоящее, концентрированное внимание, от которого по коже пробежали мурашки. — Меня зовут Коул. И мне по пути.

Я поправила сползающий с плеча плащ и пошла рядом с ним по мокрой аллее. Рядом с его огромным силуэтом я казалась себе совсем крошечной. Мы молчали, но это не было тем неловким молчанием, когда хочется поскорее сбежать.

— Твой показ, — вдруг негромко произнёс Коул, глядя вперёд, на огни подъезжающего автобуса. — Это было круто. Про защиту и слои. Ткань действительно выглядела как броня.

Я замерла на месте, чуть не пропустив шаг.

Он... слушал? Он не просто смотрел на модели, он понял суть?

Я посмотрела на его профиль — сосредоточенный, суровый, с плотно сжатыми губами. Внутри меня что-то перевернулось. Парень, которого я вижу первый раз в жизни, услышал меня чётче, чем человек, с которым я встречаюсь полгода.

— Ты был там? — тихо спросила я, когда мы подошли к дверям автобуса.

Коул остановился, аккуратно опустил мою сумку на ступеньку транспорта и наконец посмотрел мне прямо в глаза. Пронзительно. Так, будто видел меня насквозь — и размазанную тушь, и разбитое сердце.

— Был, — коротко ответил он. — До встречи, Эмма.

Автобус закрыл двери и тронулся, а я так и осталась стоять у стекла, провожая взглядом одинокую высокую фигуру в чёрном капюшоне, исчезающую в дождливых сумерках города.

Сердце почему-то застучало быстрее. И в этот раз — совсем не от Чейза.

Мы не знакомы. Я никогда не слышал звука её голоса, обращённого ко мне. Но я чертовски хорошо знаю, как она рисует.

По вторникам и четвергам у неё пары в корпусе искусств. Мой маршрут от столовой до трека пролегает как раз мимо огромных пан

Но сейчас...

Я снова впиваюсь глазами в буквы на афише.

«Эмма Браун. Коллекция „Второй слой“».

П.

Глава 3.

Суббота. Шесть утра.

В спортивном комплексе кампуса в этот час нет никого, кроме меня. Пронзительный скрип моих кроссовок по свежeweымытому паркету эхом разносится под высокими металлическими сводами зала. На трибунах темно, горят лишь дежурные лампы над самой площадкой, бросая резкие тени на очерченную трёхточковую линию.

Добиваю штрафные. Мяч со свистом разрезает сетку. Десять из десяти. На автомате забираю отскок, делаю шаг назад, замираю на секунду и бросаю снова. Ещё десять.

Когда лёгкие начинает жечь от челночного бега, который я устроил себе перед этим, я останавливаюсь в центральном круге и смотрю на затянутое защитной сеткой табло.

Баскетбол научил меня главному правилу: хочешь быть точным — сначала останови всё внутри себя. Заставь замолчать свои мысли, умири пульс, выключи фоновый шум. Если у тебя дрожат руки перед финальным броском, ты проиграл матч ещё до того, как мяч оторвался от пальцев.

Сейчас в моей голове наконец-то тихо.

Я закидываю полотенце на шею, забираю мяч под мышку и иду в сторону раздевалок. Вчерашний вечер, её тихий голос на автобусной остановке, то, как она удивлённо распахнула глаза, когда я заговорил о концепции её коллекции — всё это укладывается в голове по полочкам, пока я смываю с себя пот под ледяными струями душа.

Я не спаситель на белом коне. И я не собираюсь караулить её у общежития. У неё своя жизнь, у меня — своя. Через две недели у нас стартуют игры плей-офф конференции, и если наша команда не выйдет в финал, скауты из НБА даже не посмотрят в мою сторону. Спортивная стипендия — это единственное, что удерживает меня в этом дорогом колледже. Вот что должно меня волновать.

Я переодеваюсь в сухую толстовку и выхожу в холл спорткомплекса.

— Кросс, ты псих, — раздаётся от автомата с напитками ленивый голос.

Я поднимаю голову. Там, прислонившись спиной к стене и держа в руке картонный стакан из Старбакса, стоит Макс — наш атакующий защитник и по совместительству мой лучший друг.

— Суббота, Коул. Нормальные парни в это время спят или отходят после вечеринок в домах братств, — Макс делает глоток и протягивает мне холодную бутылку с Gatorade.

— Кто-то должен отрабатывать за всю команду, капитан, — я отпиваю ледяную жидкость, чувствуя, как расслабляются забитые мышцы.

— Ой, избавь меня от своего пафоса лидера сборной, — фыркает он, закидывая спортивную сумку на плечо. — Кстати, Дэн видел тебя вчера у корпуса искусств. Ты что там забыл? Решил заценить студенческую моду?

Я замираю на секунду, вытирая волосы полотенцем. Новости в кампусе разлетаются быстрее, чем слухи на Reddit.

— Просто зашёл посмотреть на работы выпускников, — спокойно отвечаю я, направляясь к выходу на парковку. — Было интересно.

— Ну-ну. Интересно ему. Там, говорят, Стерлинг из теннисной команды со своей девочкой опять устроил драму. Она уехала на шаттле под дождём, а он укатил с парнями из своего братства в даунтаун. Классика. Жалко Эмму, она вроде нормальная, не чета его прошлым цыпочкам.

Внутри меня на секунду вспыхивает то самое чувство из пятничного вечера — глухое, тяжёлое. Но я давлю его в зародыше.

— Это их дело, Макс. Не наше, — отрезаю я, открывая тяжелую стеклянную дверь на улицу.

Понедельник встречает университет привычной суетой. Я сижу на заднем ряду поточной аудитории на лекции по спортивной психологии, лениво крутя в руке ручку. Профессор монотонно вещает о мотивации и барьерах в сознании, а я смотрю в окно, выходящее на зелёный газон кампуса.

И застываю.

По дорожке между корпусами идёт Эмма. На ней огромный вязаный кардиган цвета овсянки, джинсы и простые белые кеды. В руках — папка с эскизами. Но идёт она не так, как обычно. Голова опущена, плечи словно сжались, защищаясь от всего мира. Тот самый «второй слой».

За ней быстрым шагом идёт Чейз. На нём стильный бомбер его теннисной команды, идеальная укладка. Он пытается перехватить её за локоть, что-то быстро и эмоционально говоря. Эмма качает головой и ускоряет шаг, пытаясь уйти от разговора.

Они останавливаются прямо под окнами моей аудитории, у раскидистого клёна. Чейз загораживает ей дорогу, на его лице — снисходительная, привычная улыбка, против которой, как он думает, никто не может устоять. Он протягивает ей бумажный пакет — кажется, там пончики или крафтовый кофе из её любимого места. Очередной дежурный жест, чтобы загладить вину за испорченный вечер.

Эмма колеблется. Секунду, две. Потом берёт пакет. Чейз наклоняется, чтобы поцеловать её в щеку, и она не отстраняется. Но я вижу, как напряжена её спина. Она прощает его. Снова. Потому что хочет верить, что он хороший. Потому что она добрая и наивная.

Мои пальцы сжимают ручку так, что пластик жалобно трещит.

«Сила не в том, чтобы взять, Коул. Сила в том, чтобы отпустить, когда это нужно», — снова звучит в голове голос отца.

Я закрываю глаза, делаю медленный, глубокий вдох на четыре счёта — так, как делаю на линии штрафного броска, когда гудит весь зал соперника. Выдох.

Когда я снова открываю глаза, внизу уже пусто. Они ушли вместе.

Я не буду вмешиваться. Я не буду бегать за ней и открывать ей глаза на Чейза — это сделает её несчастной, а меня превратит в навязчивого парня, который лезет в чужие отношения. Если она должна понять, кто такой Чейз, она поймет это сама. Насильно никого не спасают.

Моё время еще не пришло. Но когда оно придёт — я буду готов.

Я перевожу взгляд на тетрадь и чётким, уверенным почерком записываю слова профессора: «Побеждает не тот, кто делает самый первый зрелищный бросок. Побеждает тот, кто контролирует игру до финальной секунды матча».

Глава 4.

Пакет с пончиками из «Данкин» так и остался лежать нетронутым на моем рабочем столе в студии.

Я смотрела на масляное пятно, медленно расплзающееся по бумаге, и чувствовала себя точно так же — раздавленной и приторной от собственной готовности всё прощать. Чейз умел извиняться. Это был его суперпринцип: накосячить, дождаться, пока я остыну, а потом прийти с улыбкой на миллион долларов, чашкой карамельного макьято и дежурным «Малыш, я был таким придурком, прости».

И я прощала. Потому что верила, что за его вечной занятостью и поверхностностью скрывается тот самый парень, который на первом курсе помогал мне переносить коробки с тканями в ливень.

Только вот коробки он переносил один раз. А забывал обо мне регулярно.

— Эм, ты идёшь на благотворительный аукцион в пятницу? — Лили оторвалась от швейной машинки, убирая со лба наэлектризованную прядь. — Там будут все из бизнес-школы. И Чейз, кажется, организует фандрайзинг для своей команды.

— Да, мы собирались пойти вместе, — я слабо улыбнулась, заправляя нитку в иглолку. — Он обещал, что после этого мы наконец-то поужинаем нормально. Только вдвоем.

— Ну-ну, — скептически протянула Лили. — Главное, выбери платье посвободнее, чтобы в него влезли все его оправдания, если он снова задержится в доме братства.

Я промолчала. Мне не хотелось защищать Чейза, потому что внутри меня всё ещё сидел холодный червячок сомнения. Каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела не Чейза с его вечным айфоном. Я видела высокую фигуру в чёрном худи на дождливой остановке.

Коул Кросс.

Я проверила его профиль в соцсетях в тот же субботний вечер. Никаких пафосных фото с вечеринок. Только баскетбол, расписание игр нашей университетской сборной, пара снимков с собакой и сухие, редкие подписи. Он казался полной противоположностью Чейзу. Тихий. Огромный. И его слова о моей коллекции... «Ткань действительно выглядела как броня». Он действительно понял, что я пыталась сказать.

Пятница наступила слишком быстро. Холл главного здания университета был украшен гирляндами, на столах стояли бокалы с пуншем, а студенты в строгих костюмах и вечерних платьях изображали из себя будущую элиту Уолл-стрит.

Я надела своё собственное платье — тёмно-зелёное, из плотного шёлка, со сложной драпировкой на спине. Чейз при виде меня присвистнул и приобнял за талию, притягивая к себе для быстрого селфи.

— Детка, ты выглядишь потрясающе. Мои пацаны обзавидуются, — шепнул он, тут же отворачиваясь, чтобы помахать кому-то у входа.

Первые полчаса всё было нормально. Я стояла рядом, Чейз представлял меня своим друзьям из теннисной команды как «свою талантливую девочку-кутюрье». Но постепенно кольцо людей вокруг него сжималось. Появились спонсоры, какие-то важные выпускники, и Чейз полностью переключился на них. Его улыбка стала шире, голос — громче.

Я сделала шаг назад. Потом ещё один. Поняв, что он даже не заметил моего отсутствия, я вздохнула и направилась к столу с напитками. Напряжение между лопатками становилось невыносимым.

И тут я увидела его.

Коул Кросс стоял у панорамного окна, чуть в стороне от основной суеты. В строгом чёрном костюме и белой рубашке без галстука он выглядел ещё монументальнее, чем в своём без-

размерном худе. Широкие плечи, аккуратно уложенные тёмные волосы, челюсть слегка сжата. Он не пытался никого впечатлить. Он просто держал в руке стакан с водой и наблюдал за залом. Потрясающе спокойный среди этого пластикового праздника.

Словно почувствовав мой взгляд, Коул повернул голову. Наши глаза встретились сквозь толпу.

Он не улыбнулся дежурной улыбкой, но его взгляд потеплел. Коул едва заметно кивнул мне, приветствуя, но подходить не стал — он видел, что я пришла с Чейзом, и уважение к чужим границам у этого парня, кажется, было вшито в ДНК.

Я хотела сделать шаг в его сторону, просто чтобы сказать «привет», как вдруг мой телефон в клатче завибрировал.

Сообщение от Чейза. Хотя он стоял всего в двадцати ярдах от меня, в окружении парней из своего братства и двух блондинок с младшего курса.

«Мальш, тут нарисовалось продолжение темы с инвесторами, мы едем к ним в загородный клуб. Тебе там будет скучно, одни разговоры про акции. Возьми такси до общаги, ладно? Чмок».

Я подняла глаза от экрана. Чейз уже всюду двигался к выходу, оживленно жестикулируя. Одна из блондинок — кажется, её звали Бритни — весело смеялась, и Чейз на ходу приобнял её за плечи, увлекая к дверям.

Он даже не обернулся, чтобы найти меня взглядом. Не проверил, прочитала ли я сообщение. Он просто оставил меня здесь. Опять.

Экран телефона погас, отразив моё бледное лицо. В горле застрял комок, а к глазам подступили горячие слезы. Только не здесь. Только не при всех этих людях.

Я резко развернулась и пошла к боковому выходу, ведущему во внутренний двор кампуса, где было темно и безлюдно. Выскочив на прохладный воздух, я дошла до первой попавшейся скамейки под старым вязом и наконец позволила слезам потечь по щекам. Мне было так чертовски стыдно за себя. За то, что я позволяю обращаться с собой как с надоевшей игрушкой, которую можно оставить в углу, когда появились дела поинтереснее.

— Шёлк не любит воду, — раздался тихий, глубокий голос над головой.

Я вздрогнула и подняла глаза.

Коул стоял рядом. Он не присел без разрешения, не пытался обнять или засыпать меня вопросами. Он просто протянул мне чистый, идеально отглаженный хлопковый носовой платок.

— Спасибо, — всхлипнула я, забирая платок. От него пахло свежестью и немного морозным воздухом. — Ты... ты шпионишь за мной, Кросс?

На его суровых губах впервые появилась едва заметная, удивительно мягкая улыбка.

— Нет. Просто на той линии штрафных бросков, где я обычно стою, отличный обзор на всю площадку. Я видел, как он ушёл.

Коул перевёл взгляд на ночной кампус, давая мне время вытереть слёзы и не чувствовать себя неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.